

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-123-142

А.Е. Кузьмичева

**«МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО С ВЕСЬМА ОПРЕДЕЛЕННЫМ
ПОВОРОТОМ В ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ»:
РЕАКЦИЯ СССР НА «НОВЫЙ КУРС» ВАРШАВЫ
В СВЕТЕ ВИЗИТА Ю. БЕКА В МОСКВУ В 1934 г.**

A.E. Kuzmicheva

**“WE ARE DEALING WITH A VERY DEFINITE TURN
IN POLISH POLICY”: THE USSR’S REACTION
TO WARSAW’S “NEW TRACK” IN THE LIGHT
OF J. BECK’S VISIT TO MOSCOW IN 1934**

Аннотация. В феврале 1934 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек совершил свою первую (и последнюю) поездку в Москву. Несмотря на то, что визит проходил на фоне тревожных новостей о заключении польско-германской декларации о неприменении силы и, вследствие этого, был призван успокоить подозрения советской стороны и создать дружественную атмосферу, приезд польского министра в Москву фактически не привнес ничего нового в польско-советские отношения. Итогом переговоров Бека с главой НКВД М.М. Литвиновым стали достаточно скромные результаты — возведение дипломатических представительств в ранг посольств и протокол, продлевающий срок действия польско-советского пакта о ненападении от 1932 г. на 10 лет. Таким образом, несмотря на внешне благоприятный исход, польский министр иностранных дел не привез конкретных предложений, и

Кузьмичева Анастасия Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kuzmicheva Anastasiia, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of the History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

aekuzmicheva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0304-5154

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00461 ««Воображаемые регионы» между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00461 “‘Imaginary Regions’ between the Two World Wars: Problems of Construction and Governance”).

визит не разрешил ключевых вопросов. Бек не поддержал советские инициативы по совместной декларации, направленной на защиту прибалтийских государств, что стало одним из показателей реальных намерений Варшавы. Польша избегала углубления политического сотрудничества с СССР, сосредоточив свое внимание на выстраивании отношений с Германией. Советское руководство, убедившись в этом, пришло к выводу о невозможности сближения с Польшей и приступило к постепенному сворачиванию диалога с Варшавой, ограничив его сферой культурных контактов. Если же оценивать визит с точки зрения декларируемой Варшавой «политики балансирования», то он показал, что о ней можно говорить только применительно к непродолжительному, трехнедельному периоду между польско-германской декларацией 26 января 1934 г. и отъездом Ю. Бека из Москвы вечером 15 февраля того же года. Визит Бека стал свидетельством того, что улучшение отношений с СССР было лишь временной тактической мерой. В результате во второй половине 1930-х гг. отношения между Польшей и СССР начали ухудшаться, несмотря на официально декларируемое «потепление».

Ключевые слова: польско-советские отношения, политика равноудаленности, польско-германские отношения, дипломатия межвоенного периода, международные отношения в 1930-е гг., Ю. Пилсудский, Ю. Бек.

Abstract. In February 1934, the Polish Foreign Minister J. Beck made his first and only visit to Moscow. The visit took place in the context of the German-Polish declaration of non-aggression, with the intention of allaying Soviet concerns and fostering a friendly atmosphere. However, the visit did not result in any substantial advancements in Polish-Soviet relations. The negotiations conducted by Beck with the head of the People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID), M.M. Litvinov, yielded only modest outcomes. These were the elevation of diplomatic missions to the rank of embassies and an extension of the term of the Polish-Soviet non-aggression pact of 1932 for a period of 10 years. Consequently, despite an outwardly favourable outcome, the Polish foreign minister did not present specific proposals, and the visit did not resolve key issues. Beck's approach was not aligned with Soviet initiatives for a joint declaration aimed at safeguarding the Baltic states, a clear indicator of Warsaw's true intentions. Poland's foreign policy was oriented towards fostering relations with Germany, while the Soviet leadership, having reached this conclusion, deemed the prospect of rapprochement with Poland to be unfeasible. Therefore, the Soviet Union initiated a systematic reduction in its political dialogue with Warsaw, confining it to the domain of cultural interactions. When evaluated from the perspective of Warsaw's declared "policy of equilibrium", it is evident that this policy can only be discussed in relation to the brief, three-week period between the German-Polish declaration of 26 January 1934 and Beck's departure from Moscow in the evening of 15 February of the same year. The visit of J. Beck was indicative of the fact that the improvement of relations with the USSR was merely a transient tactical manoeuvre. Consequently, in the latter half of the 1930s, relations between Poland and the USSR began to deteriorate, despite the officially declared "warming" in relations.

Keywords: Polish-Soviet relations, policy of equilibrium, Polish-German relations, interwar diplomacy, international relations in the 1930s, J. Piłsudski, J. Beck.

В 1934 г. дипломатический год начался 26 января с шокирующей новости о заключении польско-германской декларации о неприменении силы. По сути, польско-германская декларация ознаменовала собой не только поворотный этап во всей внешней политике Варшавы. В СССР были обеспокоены развитием ситуации: 28 января советский полпред в Польше В.А. Антонов-Овсенко писал в Москву члену коллегии НКВД Б.С. Стомонякову о том, что благодаря декларации Германии удалось прорвать цепь окружения «на польском звене» и выйти из изоляции, а Польша «волей-неволей втягивается в русло ... германской политики». В этой связи Антонов-Овсенко рекомендовал НКВД «бороться за сохранение в Польше позиций, за их укрепление и расширение»¹. Предстоящий в феврале визит в советскую столицу польского министра иностранных дел Ю. Бека являл собой прекрасную возможность для извлечения политических дивидендов на польско-советском направлении.

Вопреки нередко встречающемуся в историографии мнению, решение о поездке Юзефа Бека в СССР не было принято спонтанно под влиянием негативного отношения Москвы к польско-германской декларации и желания польского правительства его нивелировать. Еще 19 декабря 1933 г. в беседе с польским посланником Ю. Лукасевичем М.М. Литвинов пригласил Бека в Москву для обсуждения совместной декларации в отношении стран Прибалтики. Литвинов также напомнил Ю. Лукасевичу о своем и Г.В. Чичерина визитах в Варшаву, которые до настоящего момента оставались без ответа². 24 декабря в шифротелеграмме польскому посольству в СССР Лукасевич попросил уведомить Литвинова, что Бек «с удовольствием принял» его приглашение посетить Москву для последующего обсуждения декларации³.

Ю. Бек хотел, чтобы запланированный визит состоялся в период между подписанием декларации и обменом ратификационными грамотами с Германией, так как тогда он смог бы «в значительной степени успокоить советские подозрения, согласившись продлить действие пакта о ненападении на 10 лет». Какими же средствами располагал Бек, чтобы достигнуть поставленной задачи? В первую очередь он планировал предложить советской стороне продлить действие пакта о ненападении от 25 июля 1932 г. (заключенного на

¹ Письмо полпреда СССР в Польше В.А. Антонова-Овсенко члену коллегии НКВД Б.С. Стомонякову от 28.01.1934 № 37. // Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов. В 4 т. Т. 3: 1932–1939 гг. М., 2017. С. 195–199.

² Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. XVI. М., 1970. С. 755.

³ *Polskie dokumenty dyplomatyczne* (далее — PDD). Rok 1933. Warszawa, 2015. S. 845.

3 года) еще на 10 лет, т.е., до 31 декабря 1945 г.⁴ Во-вторых, Бек намеревался преобразовать полномочные представительства в двух столицах в посольства. Это в полной мере совпадало с аспирациями советского посланника В.А. Антонова-Овсенко⁵. По указанию Ю. Пилсудского, визит Бека в Москву должен был пройти под «лозунгом» создания свободной или даже дружественной атмосферы, но при этом с соблюдением высшей степени осторожности, чтобы не оказаться втянутыми «на скользкую дорожку политического сотрудничества с Советами»⁶.

26 января 1934 г., в день подписания польско-германской декларации, И.В. Сталин выступал с отчетным докладом на XVII съезде ВКП (б). Отмечая успехи внешней политики СССР, советский лидер отдельно остановился на «переломе к лучшему» в отношениях между Советским Союзом и Польшей. Вместе с тем он предостерег от того, чтобы рассматривать наметившейся процесс сближения между двумя странами как прочный и стабильный, так как ему препятствуют «неожиданности и зигзаги» политики Польши, «где антисоветские настроения еще сильны»⁷. Польский посланник в Москве Ю. Лукаевич, приводя текст выступления Сталина со своими комментариями, писал Ю. Беку 30 января о «болезненной неуверенности» СССР по отношению к Польше и о его опасениях относительно создания антисоветского блока под эгидой Германии⁸ (в котором Польша, естественно, принимала бы активное участие). В этот же день Бек встретился с советским полпредом Антоновым-Овсенко и попросил объяснений в связи с речью Сталина⁹.

Ситуацию усугубило опубликованное 31 января на первой полосе газеты «Известия» послание XVII съезду ВКП (б) от ЦК КП Польши, в котором говорилось, что огромные массы «трудящихся

⁴ Beck J. Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej 1926–1939. Warszawa; Kraków, 2015. S. 101.

⁵ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 3. С. 199. Однако в ходе московских переговоров с М.М. Литвиновым Бек не озвучил кандидатуру В.А. Антонова-Овсенко как возможного претендента на пост посла, поэтому уже в апреле 1934 г. его сменил Я.Х. Давтян. По мнению С. Забелло, Беку не нравилось его излишнее «кумовство» с французским послом Ж. Ларошем (*Zabiello S. W kręgu historii. Warszawa, 1970. S. 143*). По воспоминаниям супруги Бека Ядвиги, не только она, но и все иностранцы в Варшаве не питали к Антонову-Овсенко симпатии, воспринимая его как «одного из убийц царской семьи» (*Beck J. Kiedy byłam Ekscelencją. Warszawa, 1990. S. 26*). В настоящее время сведений о причастности В.А. Антонова-Овсенко к расстрелу царской семьи нет. Вероятно, Я. Бек путала его с полпредом СССР в Польше в 1924–1927 гг. П.Л. Войковым.

⁶ Beck J. Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej. S. 101.

⁷ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. Москва, 1951. С. 301.

⁸ PDD. Rok 1934. Warszawa, 2014. S. 71.

⁹ Ibid. S. 72.

крестьян и угнетенных народов Польши» с «любовью и восхищением» смотрят на достижения Советского Союза и черпают из них силы «в борьбе за польский Октябрь». Авторы послания отмечали «бешеную ненависть» польской буржуазии по отношению к Советскому Союзу и разоблачали «двурушнические “мирные” маневры фашистской диктатуры» Польши, указывая на ее попытки хотя бы временно преодолеть польско-германские противоречия «за счет СССР, при помощи закулисных переговоров и пактов»¹⁰. На последней странице этого же номера «Известий» были помещены сообщения о польско-германской декларации (советская пресса называла ее «соглашением») в оценках печати разных стран. Латвийская пресса обсуждала декларацию с явным беспокойством, рассматривая ее как создающее особую угрозу Литве и констатируя опасность, таящуюся для Прибалтики в польско-германской декларации¹¹.

Варшавская газета «Роботник» (орган Польской социалистической партии) отмечала, что после выхода Германии из Лиги наций и разрыва с Конференцией по разоружению Франция вновь стала ее главным противником, желающим окружить ее и сдержать. И вот, благодаря польско-германской декларации, гитлеровский режим сумел добиться своей цели — отдалить Польшу от Франции и «прорвать цепь на польском звене». В заключение «Роботник» проводил параллель с ситуацией, сложившейся в польском обществе накануне разделов в XVIII в., — ведь «польская общественность мало интересуется вопросами внешней политики, оставляя их дипломатии!»¹² Вторая официальная газета СССР, «Правда», в последние дни января также опубликовала несколько статей под кричащими заголовками: «Франция недовольна польско-германским соглашением», «Тревога в Латвии», «Вооружения Польши» и «Польско-германское соглашение увеличило беспокойство в Европе»¹³.

Польская сторона восприняла эти факты, существенно испортившие атмосферу накануне визита Бека, с явным раздражением и неодобрением, однако попыталась воспользоваться ими для достижения собственных целей. 1 февраля польский посланник Ю. Лукаевич, отправившийся за разъяснениями к М.М. Литвинову, «заговорил в агрессивном тоне» о недовольстве, вызванном в Польше заявлением Сталина и нападками советской прессы. Как настаивал Лукаевич, до этого момента польская сторона была уверена в том, что между двумя странами установилась атмосфера полного дове-

¹⁰ Известия. 31.01.1934.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Правда. 30.01.1934; 31.01.1934.

рия. Доказательством этого мог служить хотя бы тот факт, что Литвинов был первым министром иностранных дел, извещенным Польшей о переговорах с Германией. Лукасевич подчеркнул, что лично он в сложившихся обстоятельствах сомневался о целесообразности поездки Бека, «которая была задумана в совершенно другой обстановке — обстановке доверия». Кроме того, польский посланник выразил свое скептическое отношение к вероятности заключения декларации по Прибалтике¹⁴. Руководитель советского внешнеполитического ведомства возразил на это, что, по его глубокому убеждению, в отношениях между Польшей и СССР не произошло ничего экстраординарного, что могло бы негативно сказаться на предстоящем визите Бека. Литвинов лишь напомнил, что все «прежние мирные предложения Польше наталкивались на препятствия и затруднения». В случае с декларацией по Прибалтике, частично инициированной самим Беком, советская сторона рассчитывала на полное взаимопонимание, однако и тут она натолкнулась «на оттяжки, которое не совсем были нам понятны»¹⁵. Лукасевич полагал, что цель выступления Сталина и нападок в советской прессе заключалась в оказании давления на Польшу, «чтобы добиться приезда министра (Бека. — А.К.) на определенных условиях и подписания Декларации». Как считал польский посланник, Москва рассматривала декларацию по Прибалтике как действенную проверку взаимоотношений Польши с Германией, а также искренности польской политики по отношению к СССР. В этой связи декларации придавалось очень большое значение¹⁶. Однако, как представляется, польская сторона с самого начала не была склонна пойти на заключение декларации по Прибалтике, поэтому с радостью использовала сложившуюся конъюнктуру для того, чтобы в конечном счете торпедировать этот проект¹⁷. Уже

¹⁴ Выдержки из дневника главы НКВД М.М. Литвинова о приеме польского посланника Ю. Лукасевича (01.02.1934) // Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 3. С. 203.

¹⁵ Там же. С. 204.

¹⁶ PDD. Rok 1934. S. 81.

¹⁷ Советский проект декларации о сохранении независимости прибалтийских государств заслуживает отдельного исследования. В рамках же данной статьи обратим внимание лишь на несколько важных аспектов. Во-первых, на момент появления идеи декларации (декабрь 1933 г.) у Польши не было дипломатических отношений с Литвой, таким образом, Варшава могла действовать только через посредничество Москвы и никак не могла гарантировать независимость Литвы. Во-вторых, 27 декабря посланник Польши в Финляндии Ф. Харват сообщил польскому МИД о том, что финское правительство единогласно отклонило возможность присоединения своей страны к декларации по Прибалтике, так как она «стопроцентно защищена от всех стран за исключением СССР» (PDD. Rok 1933. S. 851) Латвия и Литва (как представляется, Каунас надеялся разрешить с помощью Москвы конфликт с Польшей) выразили предварительное согласие, Эстония ответа не дала

через несколько дней, 4 февраля, в письме полпреду СССР в Польше В. Антонову-Овсеенко член коллегии НКВД Б. Стомоняков сообщил об отказе Польши от декларации по Прибалтике и охарактеризовал этот шаг как свидетельствующий о «далекоидущем характере польско-германского сближения»¹⁸. Он отметил крайнюю степень беспокойства, «нечто вроде паники», которую вызвала в Латвии, Литве и Эстонии польско-германская декларация, и предрек усиление этих настроений, когда в трех странах станет известно об отказе Польши гарантировать их независимость. Вскоре, 28 марта, Литвинов обратиться к Германии с предложением заключить декларацию по Прибалтике, но всё также безрезультатно¹⁹. Таким образом, попытки СССР выстроить сотрудничество по линии Москва–Варшава–Берлин провалились²⁰.

В Варшаве также прекрасно понимали, что за московской поездкой Бека будут пристально следить в Берлине. В письме от 6 февраля 1934 г. по поручению Бека директор кабинета министра иностранных дел Р. Дембицкий инструктировал посла в Германии Ю. Липского в отношении линии его поведения в свете предстоящего визита. Дембицкий рекомендовал в политических разговорах подчеркивать, что поездка является в первую очередь ответным действием на официальный визит Чичерина в 1925 г. (отсутствие ответа на который вызывало недоумение советской стороны), а также полуофициальное пребывание Литвинова в Варшаве в 1932 г. Дембицкий также сообщал Липскому о планируемом содержании московских переговоров, которое сводилось к следующему: «1) Балтийская декларация полностью неактуальна, 2) Никаких соглашений или переговоров, даже косвенно антинемецких, не состоится». Как полагал Дембицкий, оптимальной стратегией в разговорах с немцами являлась бы

(PDD. Rok 1934. S. 846). Таким образом, МИД Польши с самого начала понимал невозможность и невыгодность для себя реализации советского проекта, однако спекулировал этой идеей для создания атмосферы дружелюбия и сближения.

¹⁸ Письмо члена коллегии НКВД Б.С. Стомонякова полпреду СССР в Польше В.А. Антонову-Овсеенко от 04.02.1934 № 9547 // Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 3. С. 204.

¹⁹ ДВП СССР. Т. XVII. М., 1971. С. 214–215.

²⁰ Подробнее о проблеме декларации по Прибалтике см.: *Gregorowicz S. Sprawa deklaracji bałtyckiej na tle polityki Polski wobec Niemiec i Związku Sowieckiego na przełomie lat 1933/34 // Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Studia poświęcone pamięci Edwarda hr. Raczyńskiego Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej na Wychodźstwie.* Warszawa, 1994; *Gregorowicz S., Zacharias M. J. Polska — Związek Sowiecki. Stosunki polityczne 1925–1939.* Warszawa, 1995; *Ken O. Collective security of isolation? Soviet foreign policy and Poland, 1930–1935.* St. Petersburg, 1996; *Materski W. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939.* Warszawa, 1994; *Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1925–1934.* Warszawa, 1976; *Wolos M. Francja — ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932.* Toruń, 2004; *Zacharias M. J. Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932–1936.* Warszawa, 1981.

констатация необходимости для Польши установить модус-вивенди с СССР, однако не может быть и речи о каком-либо советском влиянии на польскую позицию²¹. Согласно полученной инструкции, уже 7 февраля на приеме для глав дипломатических миссий у президента П. фон Гинденбурга Ю. Липский проинформировал К. фон Нейрата о предстоящем визите и его планируемых целях и содержаниях²². Действия поляков на опережение оправдали себя, так как вечером того же дня немецкое правительственное агентство опубликовало новость о поездке министра Бека в Москву, и посол Липский радовался, что успел предупредить фон Нейрата и избежать подозрений.

Эта поездка Бека стала первым (и последним) официальным визитом польского министра иностранных дел в СССР. Основной своей целью сам Ю. Бек считал убеждение советских руководителей в том, что польско-советский договор и польско-немецкая декларация по своей природе не противоречат друг другу, так как «улучшение наших отношений с Россией и Германией всегда означало невозможность поставить нашу политику в зависимость от любого из этих опасных партнеров»²³.

12 февраля в 7 часов утра с Восточного вокзала Варшавы чета Беков отправилась в Москву в сопровождении Р. Дембицкого и исполняющего функции секретаря С. Балинского (ни один из трех штатных секретарей МИД не знал русского языка, поэтому Бек выбрал Балинского, в то время референта по балтийским делам). Вместе с Бекон в Москву также поехал советский полпред В.А. Антонов-Овсеенко с супругой. Министра иностранных дел провожали министр коммуникации М. Буткевич, начальник Главного штаба генерал Я. Гонсёровский, директор Восточного отдела МИД Т. Шатцель вместе со своими сотрудниками, а также представители советского посольства в Варшаве и журналисты. По пути у Бека было две остановки — на советской пограничной станции Негорелое (где вокзал был украшен польскими и советскими флагами, стоял почетный караул из пограничников, а Бека от имени НКВД и М.М. Литвинова приветствовал генеральный секретарь НКВД СССР И.А. Дивильковский и от имени БССР — уполномоченный НКВД СССР при правительстве Белорусской ССР Я.С. Ильинский) и на вокзале в Минске, куда прибыли для приветствия представители Советской Беларуси во главе с председателем Совета народных комиссаров БССР Н.М. Голодедом²⁴.

²¹ Diariusz i teki Jana Szembeka (далее — DTJS). Т. I. Londyn, 1964. S. 137–138.

²² DTJS. Т. I. S. 139–140.

²³ Beck J. Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej 1926–1939. S. 100–101.

²⁴ Słowo. 13.02.1934. — URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/publication/256377> (дата обращения 01.05.2024).

13 февраля на Белорусско-Балтийском вокзале Москвы, также украшенном польскими и советскими флагами, Ю. Бека встречали М.М. Литвинов с супругой, его заместитель Н.Н. Крестинский, член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков, зав. протокольным отделом Д.Т. Флоринский, зав. 1-м западным отделом НКВД Л.Э. Березов, председатель Мособлисполкома Г.Н. Каминский, заместитель председателя Московского совета Т.С. Хвесин, командующий московским военным округом А.И. Корк, начальник отдела внешних сношений РВС СССР В.В. Смагин, а также другие ответственные сотрудники НКВД, весь состав польской миссии, возглавляемый посланником Ю. Лукасевичем, представители польской колонии в СССР и многочисленные журналисты²⁵. На перроне был выстроен почетный караул, а оркестр исполнил польский гимн и «Интернационал». По всей видимости, советские дипломаты были осведомлены о болезненно чувствительном отношении Бека к протокольным вопросам, и старались с первых минут показать польскому министру иностранных дел значимость всего происходящего²⁶.

Советская сторона, тщательно придерживаясь дипломатического протокола по приему высокопоставленных гостей, постаралась сделать визит польской делегации максимально пышным и плодотворным, подготовив на все три дня пребывания Бека насыщенную программу. Перечислим лишь кратко, что ожидало польского министра и его свиту. 13 февраля, в день приезда, Бек утром встретился с председателем СНК СССР В.М. Молотовым и М.М. Литвиновым, последнего он посетил также днем и имел с ним продолжительную беседу; вечером наркоминдел устроил прием в честь Бека, на котором оба главы внешнеполитических ведомств выступили с торжественными речами. 14 февраля Бек присутствовал на завтраке у В.М. Молотова, в 13:00 польский министр в сопровождении Ю. Лукасевича и зав. протокольным отделом НКВД Д.Т. Флоринского прибыл в Кремль, где в здании рабоче-крестьянского правительства (Сенатский дворец) встретился с председателем ЦИК СССР М.И. Калининым (на приеме также присутствовали А.С. Енукидзе и М.М. Литвинов). После встречи Бек со своей свитой и высокопоставленными сотрудниками НКВД отправился в Центральный дом Красной армии, где оркестр исполнил польский гимн и «Интернационал», а гости ознакомились с му-

²⁵ Известия. 14.02.1934.

²⁶ В сентябре 1933 г. во время визита Бека в Париж на вокзале его встречали лишь второстепенные сотрудники французского МИД. В следующем году, когда в апреле 1934 г. французский министр иностранных дел Л. Барту посещал с официальным визитом польскую столицу, Бек в точности повторил протокол встречи, которую ему оказали в Париже, демонстративно не приехав встречать французского коллегу.

зеем и научным кабинетом ЦДКА. Вечером Лукасевич дал в польской миссии торжественный прием. Последний день пребывания польского министра в Москве, 15 февраля, начался с осмотра Оружейной палаты и Кремлевского дворца (которые в то время показывали только самым высоким гостям), после этого в 16:30 в Моссовете состоялся прием, на котором присутствовал Ю. Бек, М.М. Литвинов, Ю. Лукасевич, В.А. Антонов-Овсеенко, члены президиума Моссовета и ответственные сотрудники НКВД. Председатель Моссовета Н.А. Булганин и Ю. Бек обменялись речами. Вечером в польской миссии была устроена пресс-конференция, на которой Ю. Бек с уверенностью заявил, что «польско-советские отношения находятся в состоянии систематического и методического улучшения», которому способствует личный контакт, установленный между ним и Литвиновым²⁷. После этого Юзеф Бек с супругой по приглашению М.М. Литвинова отправился в Большой театр (в программе были две оперы — «Князь Игорь» и «Садко» и балет «Дон Кихот»). Перед началом спектакля был также исполнен польский гимн и «Интернационал», а в конце публика устроила пятиминутную овацию в честь польского министра иностранных дел. В 23:00 польская делегация отправилась обратно в Варшаву. От имени советского правительства до границы Бека провожал зав. протокольным отделом Д.Т. Флоринский (хотя с ними также ехал советский посланник В.А. Антонов-Овсеенко, поэтому этот жест был совсем не обязателен).

Вместе с Беком в Москву также прибыли и польские журналисты — вице-директор ПАТ М. Обарский, редактор агентства «Искра» Бестерман и специальный корреспондент польской газеты «Экспресс поранны» В. Сыручек, для которых редакция газеты «Известия» и ответственный руководитель ТАСС Я.Г. Долецкий подготовили ряд торжественных завтраков (на которых кроме польских гостей присутствовали главный редактор «Известий» И.М. Гронский, заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б) К.Б. Радек, заведующий Отделом печати и информации НКВД СССР К.А. Уманский и другие советские журналисты), ужинов и приемов, с трудом уместившихся в три дня.

Стоит отметить, что несмотря на плотный график, Ю. Бек каждый день имел продолжительные беседы с М.М. Литвиновым. О содержании этих разговоров нам пока известно только по записям бесед, опубликованных в Документах внешней политики СССР²⁸ и по воспоминаниям самого Бека. Как представляется, польские документы также имеются, но пока они не были опубликова-

²⁷ Beck J. Przemówienia, deklaracji, wywiady. Warszawa, 1939. S. 104.

²⁸ ДВП СССР. Т. XVII. С. 131–140.

ны²⁹. В ходе разговоров 13–15 февраля Бек выразил скептицизм в отношении способности Лиги наций разрешать международные вопросы и отметил, что в подобной ситуации Польша видит для себя единственный выход в двусторонних соглашениях. Бек с гордостью подчеркнул, что польско-германская декларация стала результатом возросшего международного престижа Польши, так как «Германия убедилась, что Польша не является маленьким сезонным государством»³⁰ и теперь с ней надо считаться. Литвинов категорически не согласился с утверждением Бека об исчезновении «прусского духа» в Германии и расценивал пацифистскую фразеологию Гитлера лишь как временный тактический маневр, позволяющий немцам обратить свои «захватнические взоры в другую сторону». Польский министр иностранных дел, со своей стороны, придерживался мнения, что, если он сам мог обеспечить безопасность своей стране на сегодняшний день, то этого было вполне достаточно, и он не видел опасности войны в Европе. Бек также старался убедить своего советского коллегу в прочном и длительном характере польско-советского сближения, и если раньше оно было вызвано, по его выражению, «интересами дня и конъюнктурой», то теперь оно было чуть ли не константой внешней политики Польши. Для подтверждения своих слов Бек согласился с предложением Литвинова продлить срок действия польско-советского пакта на 10 лет, а также сам выступил с инициативой повышения уровня дипломатических миссий до посольств. 15 февраля Литвинов передал на согласование Беку и Лукасевичу проект текста совместного коммюнике, который после незначительных правок польской стороны был утвержден (например, советский вариант «обмен мнениями ... выявил общность взглядов по множеству проблем и вопросов» поляки заменили «множеству» на «многим из»). На следующий день на первой полосе газеты «Известия» было опубликовано сообщение о пребывании в Москве польского министра иностранных дел и о достигнутых результатах³¹.

Анализируя итоги разговоров с Бекон, Литвинов сделал вывод о невозможности польско-советского сотрудничества в отношении Германии, так как, по мнению советского наркома иностранных дел, Варшава теперь считала себя обеспеченной со стороны Германии (при этом, он не исключал и возможности наличия секретного польско-германского соглашения, если не на данный момент, то в будущем). Упомянув предыдущие сведения, которые поступали из

²⁹ Kornat M., Wołos M. Józef Beck: biografia. Kraków, 2020. S. 308.

³⁰ ДВП СССР. Т. XVII. С. 132.

³¹ Известия. 16.02.1934.

разговоров К. Радека с представителями польского истеблишмента³², Литвинов отмечал «серьезный поворот в ориентации политики Польши»³³. Как он полагал, свою «новую ориентацию» Польша будет «маскировать поддержанием внешне хороших ... или даже улучшением» отношений с СССР. М. Литвинов рассматривал эту «маскировку» как полезную и для Москвы, так как в будущем она затруднит польскому правительству переход на враждебные СССР рельсы.

В своих мемуарах Бек отвел московскому визиту совсем немного места. С гордостью он подчеркивал, что был первым европейским министром, прибывшим в СССР с официальным визитом, и что по этому случаю впервые в советской столице прозвучал гимн Польши. Комментируя политические переговоры с Литвиновым, Бек охарактеризовал их как долгие, очень общие и не принесшие каких-либо новых элементов в польско-советские отношения. С очевидной иронией Бек описывал усилия советской стороны по организации визита и протокольных мероприятий. Он отмечал, что большевики «подражали» великолепию царских приемов, однако у него это вызвало крайне неприятное впечатление на контрасте с видимой везде нищетой населения³⁴. Справедливости ради стоит отметить, что на сопровождавшую его супругу Ядвигу московский визит произвел более позитивное впечатление: в своих воспоминаниях она описывала его как самый запоминающийся из всех официальных визитов мужа и отмечала, что на приемах забывали о дипломатическом протоколе, «смеялись громко, настрой сердечный, беззаботный», а жены советских номенклатурных работников надарили ей несколько чемоданов подарков³⁵.

Советская печать пристально следила за ходом визита Ю. Бека. В день приезда польского министра иностранных дел газета «Правда» на первой полосе разместила приветственную статью, в которой отмечалось, что «укрепление польско-советских отношений за последние два года нанесло серьезный удар по провокационным пла-

³² Например, 30 апреля 1933 г. в Москву прибыл со специальной миссией (очевидно, санкционированной самим Пилсудским) главный редактор «Газеты Польской» полковник Б. Медзинский. Перед ним была поставлена задача установить неформальные контакты с советскими политическими кругами. По понятным причинам больше всего он контактировал с К. Радеком и в разговоре с ним 4 мая прямо сказал, что, так как в скором времени он должен будет вернуться в Варшаву, то «проявление дипломатической сдержанности противоречит цели ... визита, которая заключалась в поиске кратчайшего пути через поля дипломатии», и что сам Пилсудский стремится к улучшению польско-советских отношений (*Miedziński B. Droga do Moskwy // Kultura. Paryż. 1963. № 6/188. S. 84*).

³³ ДВП СССР. Т. XVII. С. 139.

³⁴ Beck J. Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej 1926–1939. S. 100–102.

³⁵ Beck J. Kiedy byłam Eksceleńcą. S. 21–27.

нам ... авантюристских элементов», желающих перекроить карту Европы (по всей видимости, под «авантюристскими элементами» подразумевалась Германия), и что именно Бек был «одним из тех польских государственных деятелей ... кто понял выгодность добрососедских отношений с Советским Союзом для Польши» и сыграл «крупную роль» в установлении и развитии этих отношений³⁶. На следующий день и «Правда», и «Известия» поместили на первых полосах фотографию Бека и Литвинова на Белорусско-Балтийском вокзале, а также тексты речей советского и польского глав внешнеполитических ведомств на приеме в честь последнего³⁷. В течение всего периода пребывания Бека в Москве оба официальные советские издания ежедневно освещали на передовицах каждый шаг польского министра. Из этого можно сделать очевидный вывод: советская сторона придавала приезду Бека колоссальное значение и, по всей видимости, ожидала от него чего-то большего, чем получила в итоге. Кроме того, можно также предположить, что Кремль стремился посеять на Вильгельмштрассе зерна сомнений в своем новоиспеченном польском партнере.

Особое значение, которое придавали в Москве визиту Бека, заметили и сопровождавшие его польские журналисты. В обширном материале о первом дне пребывания польского министра в советской столице, помещенном на первой полосе газеты «Экспресс поранны» (специальный корреспондент которой приехал вместе с Бекком), отмечался чрезвычайно сердечный и пышный прием, оказанный польскому министру³⁸. На поляков произвели немалое впечатление почетный караул на перроне и многочисленная официальная делегация встречающих высокопоставленных лиц. А известный правый польский публицист С. Стронский в газете ««Курьер Варшавски» даже написал о возможности заключения тройного польско-франко-советского военного и политического союза, направленного на сохранение мира в Европе, в том числе и против посягательств Германии³⁹. Агентство «Искра» в специальной телеграмме из Москвы подчеркивало, что уже с момента прибытия на вокзал можно было заметить, что советское правительство стремится придать визиту министра Бека и его супруги исключительно торжественный характер⁴⁰. Польские газеты, такие

³⁶ Правда. 13.02.1934.

³⁷ Правда. 14.02.1934; Известия. 14.02.1934.

³⁸ Express Poranny. 14.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/564558/display/Default> (дата обращения 01.05.2024).

³⁹ Kurjer Warszawski. 14.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/211790/display/Default> (дата обращения 05.05.2024).

⁴⁰ Известия. 15.02.1934.

как «Час»⁴¹, «Курьер поранны»⁴², «Слово»⁴³ и «Курьер Варшавски»⁴⁴, также пристально следили за ходом поездки Бека и каждый день рассказывали своим читателям о ней. Однако публикуемая информация не отличалась разнообразием и в основном представляла собой, помимо описания торжественной встречи на вокзале, тексты речей Ю. Бека и М.М. Литвинова на приеме, интервью Бека ТАСС, предложение Бека повысить ранг миссий до уровня посольств и рассказы об общей дружественной атмосфере, в которой проходил визит.

Интересным представляется также вопрос, почему Ю. Бек не встречался со Сталиным. Первый секретарь польского посольства в Москве С. Забелло, имевший непосредственное отношение к организации и подготовке визита польского министра иностранных дел, посоветовавшись с коллегами в Варшаве, выяснил возможность организации такой встречи. На тот момент Сталин еще не принимал иностранных политиков, что формально оправдывалось тем, что он не занимал никакой государственной должности и был лишь главой правящей коммунистической партии⁴⁵. В условиях конфиденциальности Забелло обратился к сотруднику центрального аппарата НКВД Л.Я. Гайкису с вопросом о возможной встрече. Как полагал Гайкис, заместитель директора I Европейского департамента и фактический управляющий польскими делами, «решающий

⁴¹ Czas. 14.02.1934. — URL: <http://mbc.malopolska.pl/dlibra/docmetadata?id=51412&from=publication> (дата обращения 05.05.2024); Czas. 15.02.1934. — URL: <http://mbc.malopolska.pl/dlibra/docmetadata?id=51413&from=publication> (дата обращения 05.5.2024); Czas. 16.02.1934. — URL: <http://mbc.malopolska.pl/dlibra/docmetadata?id=51416&from=publication> (дата обращения 05.05.2024).

⁴² Kurjer Poranny. 14.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/120166/display/Default> (дата обращения 05.05.2024); Kurjer Poranny. 15.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/120165/display/Default> (дата обращения 05.04.2024); Kurjer Poranny. 16.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/120164/display/Default> (дата обращения 05.05.2024).

⁴³ Słowo. 13.02.1934. — URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/publication/256377> (дата обращения 05.05.2024); Słowo. 14.02.1934. — URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/publication/256378> (дата обращения 05.05.2024); Słowo. 15.02.1934. — URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/publication/256379> (дата обращения 05.03.2024); Słowo. 16.02.1934. — URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/publication/256380> (дата обращения 05.03.2024).

⁴⁴ Kurjer Warszawski. 14.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/211790/display/Default> (дата обращения 05.03.2024); Kurjer Warszawski. 15.02.1934. — URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/211789/display/Default> (дата обращения 05.03.2024).

⁴⁵ Однако были и исключения. Первым дипломатическим представителем, принятым Сталиным, стал Лорд хранитель тайной печати Э. Иден в марте 1935 г. В этом же году, в мае, Сталин встречался с французским министром иностранных дел П. Лавалем. Также уже упомянутый выше Б. Медзинский писал о том, что К. Радек в 1933 г. предлагал ему встречу с «Иосифом Виссарионовичем», но так как Медзинский не имел на этот счет инструкций Пилсудского, то он отказался (см.: *Miedziński B. Op. cit. S. 86*).

фактор” (Сталин. — А.К.) не привык принимать куртуазные визиты иностранных государственных деятелей, зато если бы министр Бек привозил какое-то конкретное, важное и интересное предложение, было бы проще организовать его встречу со Сталиным в Кремле»⁴⁶. Забелло точно не знал, едет ли польский министр иностранных дел в Москву с какими-либо предложениями, поэтому сообщил об этом разговоре Лукасевичу. Лукасевич в частном письме уведомил Т. Шатцеля о возможности организации встречи Бека со Сталиным, однако реакции Варшавы больше не последовало. Как отмечает в своих воспоминаниях Забелло, для польской миссии и советского НКВД это явилось «достаточным показателем того, что приезд польского министра иностранных дел в Москву фактически не принесет ничего нового в польско-советские отношения»⁴⁷.

Как представляется, польский министр иностранных дел имел не совсем верное представление о внутреннем положении в СССР и не оценивал Сталина как эффективного политика, с которым необходимо разговаривать — уже в следующем 1935 г. в разговоре со своим заместителем Я. Шембеком и Ю. Лукасевичем он признался, что «не очень понимает фигуру Сталина и не вполне осознает, является ли он выдающейся политической личностью»⁴⁸. Тем не менее, по мнению ряда исследователей, в 1932 г. решение о заключении договора с Польшей принадлежало лично Сталину и шло вразрез с мнением руководителей советской дипломатии⁴⁹. Так, например, в переписке с Л.М. Кагановичем в 1931 г. Сталин охарактеризовал заключение польско-советского договора как «дело ... почти решающее (на ближайшие 2-3 года) вопрос о мире», правда, высказывал при этом опасение, что Литвинов «сведет его к пустышке». В этой связи он просил Политбюро взять этот вопрос под специальное наблюдение и «довести его до конца всеми допустимыми мерами»⁵⁰. Интенсивная переписка Сталина с Кагановичем в конце лета — начале осени 1931 г. показывает высокую степень заинтересованности и достаточную осведомленность советского лидера в польских делах⁵¹. Таким образом, с определенной долей уверенности можно сказать, что нежелание

⁴⁶ *Zabiello* S. Op. cit. S. 143.

⁴⁷ *Odpowiedzenie w stosunkach polsko-sowieckich na przełomie 1933/1934 r. oraz wizyta Józefa Becka w Moskwie w świetle pamiętników Stanisława Zabielly / Oprac. T. Serwatka // Czasopismo Zakładu Narodowego Imienia Ossolińskich. 2000. T. 11. S. 197–198.*

⁴⁸ DTJS. T. 1. S. 319.

⁴⁹ См. например: *Friszke A., Kornat M., Stemplowski R. Dwie epoki: O celach w polskiej polityce zagranicznej 1918–1939 i 1989–2015. Warszawa, 2020. S. 50.*

⁵⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 70.

⁵¹ Там же. С. 76, 77–79, 82, 83–86, 88–89, 93–96, 107.

Ю. Бека встретиться со Сталиным было тактической (если не намеренной) ошибкой в польской внешнеполитической стратегии. Или же польский министр иностранных дел опасался, что политически искушенный Сталин, не получив конкретных предложений, сразу же раскусит его игру «в сближение»?

19 февраля М.М. Литвинов, в свете предстоящего визита министра иностранных дел Франции Л. Барту в Варшаву, отправил полпреду СССР во Франции В.С. Довгалеvскому запись беседы с Ю. Беком и также подчеркнул невозможность сотрудничества с Польшей перед лицом германской угрозы, при этом отметив, что «мы имеем дело с весьма определенным поворотом в политике Польши, и значение этого поворота станет яснее, если вспомнить те неофициальные переговоры, которые несколько месяцев тому назад велись с Польшей, когда Польша соглашалась на сотрудничество с нами даже без Франции»⁵². При встрече с Барту Литвинов рекомендовал Довгалеvскому рассказать ему о переговорах, которые СССР вел с его предшественником Ж. Поль-Бонкуром и о выдвинутых последним предложениях⁵³, а также обратить его внимание на тот факт, что «заключение польско-германского соглашения и заявление, сделанное мне Беком, заставляют нас сомневаться в возможности вовлечения Польши в ту общую акцию, которую имел в виду Поль-Бонкур»⁵⁴. В этой связи руководитель НКВД надеялся, что Л. Барту в рамках своего варшавского визита прощупает отношение Польши к совместным действиям против Германии⁵⁵.

В этот же день, 19 февраля, член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков также обратился к Довгалеvскому с просьбой инспирировать «в какой-нибудь французской газете ... сообщение о том, что Бек по приезде в Москву окончательно отклонил советское предложение о совместном выступлении СССР и Польши по вопросу об укреплении независимости Прибалтийских государств»⁵⁶. Учитывая, что «за

⁵² Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 05. Оп. 14. Д. 94. П. 101. Л. 8.

⁵³ По всей видимости, речь идет о плане Поль-Бонкура по созданию советско-французского блока (с возможным привлечением Польши) для противодействия эвентуальной агрессии Германии. Выход Германии из Лиги наций в октябре 1933 г. и последующий разрыв с Конференцией по разоружению требовал от Франции поиска срочного ответа, что получило отражение в проекте советско-французского пакта о взаимопомощи (подробнее см.: *Вершинин А.А.* Неудавшийся союз: военно-политическое сотрудничество СССР и Франции накануне Второй мировой войны (1930–1939 гг.). СПб., 2024. С. 172–177).

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. Д. 94. П. 101. Л. 8.

⁵⁵ Подробнее о визите Л. Барту в Варшаву см.: *Кузьмичева А.Е.* Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г // *Славянский альманах*. 2016. № 1–2. С. 126–135.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. Д. 94. П. 101. Л. 10.

месяц до этого Польша отнеслась благоприятно к этому предложению», Стомоняков делал вывод о несомненной связи этого решения с подписанием польско-германской декларации и, соответственно, изменением направления внешнеполитического вектора Варшавы.

Бесплодность политических результатов визита Бека в Москву внешне была прикрыта скорее формальными признаками дружеских отношений, такими как возведение дипломатических представительств в ранг посольств и протокол, продлевающий срок действия пакта о ненападении на 10 лет⁵⁷. Это было последнее важное польско-советское соглашение межвоенного периода, не считая торгового договора, заключенного уже 19 февраля 1939 г. Московские переговоры не смогли создать атмосферу взаимного доверия, как планировал Пилсудский. По меткому замечанию М. Каминьского и М. Захариаса, обсуждая международную безопасность, стороны «говорили на разных языках»⁵⁸. Отсутствие какой-либо положительной динамики понимали и сами поляки: резюмируя итоги визита Бека, Лукасевич отметил, что переговоры не дали возможности выработки общих взглядов на европейскую ситуацию. Бек лишь предлагал заверения, что Польша не вела и не будет вести никакой подрывной сепаратистской работы на Украине, что не означало полного отказа от идеи прометеизма⁵⁹. Однако правда заключалась в том, что на территории Советской Украины Польша фактически и не вела украинско-националистическую работу, так как у нее для этого не было реальных возможностей. Поэтому советская сторона восприняла это как пустой жест.

В конечном итоге визит Бека в Москву, во время которого он был поражен овацией, устроенной ему публикой в Большом театре (вероятно, люди видели в его присутствии символ предотвращения угрозы, о которой годами писали в советской прессе), стал завершающим актом короткого, продлившегося всего лишь один

⁵⁷ Однако, несмотря на красивый жест и громкие заверения польского правительства в дружественных намерениях, процедура продления пакта затянулась на всю весну 1934 г. В некоторые моменты в СССР даже подозревали, что Польша не собирается ничего продлевать. Так, например, 26 марта М.М. Литвинов написал И.В. Сталину, что Польша «хочет сохранить за собой возможность денонсировать пакт в 35 году» (срок действия пакта с Польшей истекал 23 декабря 1935 г. и мог быть денонсирован за 6 месяцев до этого). (Письмо главы НКВД М.М. Литвинова генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. Сталину от 26.03.1934 № 4066/л. // Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 3. С. 225). После длительных обсуждений протокол был подписан М.М. Литвиновым и Ю. Лукасевичем 5 мая 1934 г. и ратифицирован 15 июня 1934 г. Полный текст протокола см. в: ДВП СССР. Т. XVII. С. 315–317.

⁵⁸ *Kamiński M.K., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej, 1918–1939. Warszawa, 1998. S. 149.*

⁵⁹ *Odręczenie w stosunkach polsko-sowieckich... S. 200.*

год, периода «потепления в польско-советских отношениях»⁶⁰. После возвращения Бека в Варшаву эти отношения встали на паузу. Изучение ситуации в польском обществе дало НКВД основание полагать, что это связано в первую очередь с «директивой» Пилсудского «задержать дальнейшее сближение с СССР»⁶¹.

Вскоре после этого, летом 1934 г., появился проект Восточного пакта, продвигаемый совместно Францией и Советским Союзом. Польское правительство вместе с Третьим рейхом заняло решительно негативную позицию в отношении пакта. Когда осенью 1934 г. Советский Союз вступил в Лигу Наций, Польша едва могла скрыть свое недовольство. Как вспоминает С. Забелло, атмосфера в польско-советских отношениях ухудшалась с каждым месяцем. Возврат к неприкрытой враждебности был закреплен, когда посол Лукасевич покинул московский пост в середине 1936 г., решив, что для его деятельности там больше нет места⁶². В первой беседе с его преемником В. Гжибовским заместитель народного комиссара по иностранным делам В.П. Потемкин заявил, что «польско-советские отношения никогда не были такими плохими, так как позиция Польши по каждому вопросу совершенно не соответствует позиции Советского Союза»⁶³. Вплоть до сентябрьской катастрофы 1939 г. польское правительство будет официально усиленно декларировать неуклонное улучшения в отношениях с Советским Союзом, однако в реальности будут происходить совершенно обратные процессы. Уже в 1936 г. помимо отсутствия серьезного польско-советского политического сотрудничества, Варшава начнет, как охарактеризовал это советский посол в Польше Я.Х. Давтян, «поход против советского культурного влияния»: будет закрыт единственный просоветский журнал «Пшеглэнд Выходный», прессе будет дана негласная инструкция о нежелательности размещения какой-либо информации об экономике и культуре СССР, будет запрещено переводить на польский язык книги советских авторов, выставлять советские книги на витрины магазинов, публично исполнять песни на русском языке, будет прекращена выдача паспортов для поездок польских граждан в СССР⁶⁴.

⁶⁰ *Zabiello S.* Op. cit. S. 143.

⁶¹ Цит. по: *Кен О.Н., Рунасов А. И.* Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб., 2000. С. 429.

⁶² Ю. Лукасевич, руководивший польской дипломатической миссией в СССР в 1933–1936 гг., был одним из крупнейших специалистов по Советской России в МИД Польши.

⁶³ *Zabiello S.* Op. cit. S. 144.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 93. П. 121. Л. 87.

Визит Ю. Бека в Москву в феврале 1934 г. показал, что подписанная 26 января 1934 г. польско-германская декларация стала, по сути, дорожной картой для польской дипломатии и значила для Варшавы намного больше, чем она пыталась показывать. Чтобы сохранить видимость приверженности активно декларируемой политике равноудаленности, после подписания декларации с Германией Польше требовалось сделать дружественный жест в сторону СССР, чтобы не лишиться всех политических преимуществ, полученных благодаря польско-советскому договору 1932 г. Но — только жест, а не реальное наполнение польско-советских отношений новым содержанием, как того требовала международная ситуация после кардинальных изменений в Германии, произошедших с приходом к власти национал-социалистов. Советские дипломаты быстро раскусили блеф поляков и отсутствие намерений развивать отношения с СССР в политической плоскости. Правильно оценив смену политического климата в двусторонних отношениях, советский лидер И.В. Сталин после визита Бека в Москву в феврале 1934 г. покончил с политикой сближения с Польшей и отдал приказ Литвинову сворачивать диалог с Варшавой⁶⁵, но сделать это не резко, а постепенно, ограничивая их сферой культурных контактов. Если же оценивать визит с точки зрения декларируемой Варшавой политики балансирования, то он показал, что о ней можно говорить только применительно к непродолжительному, трехнедельному периоду между польско-германской декларацией 26 января 1934 г. и отъездом Ю. Бека из Москвы вечером 15 февраля того же года.

Как это лапидарно сформулировал биограф Ю. Бека О. Терлецкий, «политику балансирования можно проводить, когда обе ноги твердо стоят на твердой земле. Но как можно говорить о равновесии, если балансируешь на доске, положенной на пень?»⁶⁶.

References

Friskie A., Kornat M., Stemplowski R. *Dwie epoki: o celach w polskiej polityce zagranicznej 1918–1939 i 1989–2015* [Two Epochs: Objectives in Polish Foreign Policy 1918–1939 and 1989–2015]. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2020. 230 s.

Gregorowicz S. *Sprawa deklaracji bałtyckiej na tle polityki Polski wobec Niemiec i Związku Sowieckiego na przełomie lat 1933/34* [The Case of the Baltic Declaration against the Background of Polish Policy towards Germany and the Soviet Union in 1933/34] // *Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Studia poświęcone pamięci Edwarda hr. Raczyńskiego Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej na Wychodźstwie* [From the

⁶⁵ Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021. S. 982.

⁶⁶ Terlecki O. Pułkownik Beck. Kraków, 1985. S. 74.

History of Polish Politics and Diplomacy. Studies Dedicated to the Memory of Edward hr. Raczynski, President of the Republic of Poland in Exile]. Warsaw: Wydawnictwo Sejmowe, 1994. S. 317–331.

Gregorowicz S., Zacharias M.J. *Polska — Związek Sowiecki. Stosunki polityczne 1925–1939* [Poland — Soviet Union. Political Relations 1925–1939]. Warsaw: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1995. 230 s.

Kamiński M.K., Zacharias M.J. *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej, 1918–1939* [Foreign Policy of the Republic of Poland, 1918–1939]. Warsaw: Wydawnictwo LTW, 1998. 315 s.

Ken O. Collective Security of Isolation? Soviet Foreign Policy and Poland, 1930–1935. Saint Petersburg: Evropeiskiy dom, 1996. 328 p.

Kornat M., Wołos M. *Józef Beck: biografia* [Jozef Beck: A Biography]. Krakow: Wydawnictwo Literackie, 2020. 1152 s.

Kuzmicheva A.E. *Varshava ili Moskva? Zondazhnyy vizit Louis Barthou v Pol'shu v 1934 g.* [Warsaw or Moscow? Louis Barthou's Reconnaissance Visit to Poland in 1934] // *Slavyanskiy al'manakh*. 2016. N 1–2. P. 126–135.

Leczyk M. *Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1925–1934* [The Policy of the Second Polish Republic towards the USSR from 1925 through 1934]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. 379 s.

Materski W. *Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939* [The Shield of Europe. Polish-Soviet Relations 1918–1939]. Warsaw: Książka i Wiedza, 1994. 386 s.

Rak K. *Piłsudski między Stalinem a Hitlerem* [Piłsudski between Stalin and Hitler]. Warsaw: Bellona, 2021. 900 s.

Terlecki O. *Pułkownik Beck* [Colonel Beck]. Krakow: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1985. 373 s.

Vershinin A.A. *Neudavshiysya soyuz: voyenno-politicheskoye sotrudnichestvo SSSR i Frantsii nakanune Vtoroy mirovoy voyny (1930–1939 gg.)* [The Failed Alliance: Military and Political Co-operation between the USSR and France on the Eve of the Second World War (1930–1939)]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2024. 796 p.

Wołos M. *Francja–ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932* [France–USSR. Political Relations 1924–1932]. Toruń: Marszałek, 2004. 674 s.

Zacharias M.J. *Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932–1936* [Poland in the Face of the Changes in the Political Balance of Power in Europe between 1932 and 1936]. Warsaw: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981. 300 s.

Поступила в редакцию
18 июня 2024 г.